

Н. Н. БЕЛОВА

ТИПЫ ПОМЕСТИЙ В ГАЛЛИИ В I—III вв.

В предыдущих наших статьях¹ уже шла речь о галло-римских имениях или виллах, основных производственных ячейках рабовладельческого хозяйства; был рассмотрен вопрос об их происхождении и формах зависимости занятого в них трудового люда. Цель настоящей статьи — выделить основные типы имений в зависимости от их размеров и хозяйственной направленности, что важно для выяснения закономерностей развития рабовладельческой экономики в одной из римских провинций.

Мнения ученых о преобладании в Галлии изучаемого периода владений той или иной величины весьма противоречивы². И это не случайно. Дело в том, что о размерах вилл и их хозяйстве дают представление прежде всего археологические раскопки, особенно многочисленные за последние годы. Однако только немногие из открытых вилл сохранили свои очертания и другие элементы, на основании которых можно было бы с уверенностью судить о их величине и хозяйстве. Наши сведения оказываются поэтому, как правило, неточными и неполными. Другой трудностью при решении этих вопросов является неопределенность самих критериев, которыми следует руководствоваться при отнесении той или иной виллы к среднему, крупному или небольшому имению. В результате в исторической литературе наблюдается на этот счет большой разнобой: то, что одни авторы считают владением средних размеров, другие — небольшим или, наоборот, крупным и т. п.³ Однако в любом случае исходным моментом для исследователей служит имение, представленное в сочинениях римских агрономических писателей. Размеры его отвечали оптимальным условиям рабовладельческого хозяйства в Италии, и как в античности, так и современными исследователями признаются за средние. По-видимому, труднее всего установить грань между средними и крупными имениями.

Нам думается, что для решения вопроса о соотношении имений различной величины для Галлии целесообразно заняться статистикой данных, отражающих размеры отдельных частей вилл. Дело в том, что из сочинений Катона, Варрона, Колумеллы хорошо известно о строгом соотношении величины господского дома, усадьбы и самого имения. Археологические же раскопки предоставляют исследователям большой материал о руинах галло-римских вилл. Учет этих данных позволил бы, по крайней мере приблизительно, установить размеры

соответствующих владений и определить таким образом соотношение между именами различной величины. В результате такого исследования можно было бы судить и о том, какими именно критериями следует руководствоваться для Галлии при определении владений крупных, средних и небольших, и какой величины поместья и в какое время были здесь наиболее характерны. Конечно, такой подсчет является очень трудоемким и требует особого исследования. В настоящей работе мы ограничимся учетом бесспорных данных археологии и результатами исследований отдельных областей различными учеными.

Отрицать наличие крупного землевладения в Галлии изучаемого времени было бы неверным. Следует прежде всего допустить сохранение крупных владений племенной знати. Правда, некоторые из таких владельцев были экспропрированы Цезарем, а их земли переданы или другим, более лояльно к нему настроенным племенным вождям, или государству. В результате пострадали, например, сеноны и мандубии, располагавшиеся некогда на территории современной Бургонии. Свидетельством экспроприации земель здесь Римом является преобладание в окрестностях Алезии латинской топонимики⁴. Представители одного из самых знатных кельтских родов в Нарбоннской Галлии у аллоброгов Валерия Азиатики имели владения одновременно в Галлии Косматой⁵. Сельская территория таких общин, как аллоброги и воконтии, концентрировалась в руках немногих владельцев⁶.

О крупной собственности в Галлии свидетельствуют эпиграфические и археологические источники. В надписях СІІ, XIII, 5474—5476 называется некий местный землевладелец Тиберий Флавий Вет из Дижона, в клиентской зависимости от которого находились все работники железных рудников и каменоломен этой области (*fabri ferrarii et lapidarii clientes eius*). О крупном землевладельце идет речь в надписи из Нарбоннской Галлии, в которой он назван отцом трех декурионов (XII, 522). К крупным именам следует отнести в Аквитании виллу Шираган, владения которой исчислялись в несколько тысяч гектаров, а усадьба с постройками занимала примерно 16 га, ее пашни простирались на 1000 га. Под прерии, луга, пастбища, леса и т. п. приходилось около 10 тыс. га. В Белгике примером крупной виллы может служить владение в Морвийе близ Анте у тонгров, одни только служебные постройки которого занимали 6 га (100×600 м)⁷. Крупными являлись вилла д'Антон в Пьербуфбере (деп. Верхняя Вьенна), расположенная в 20 км к юго-востоку от Лиможа, площадью свыше 10 тыс. га⁸, и вилла де ла Вернье в Ромега, имевшая площадь приблизительно 12 тыс. га, основание ее относится к концу правления Флавиев или несколько более позднему времени⁹.

Среди открытий новейшего времени отметим виллу Монморен (деп. Верхняя Гаронна), уже ранние ее постройки, относящиеся к I в. н. э., занимали 18 га¹⁰. Можно привести и другие примеры. Но большинство крупных и роскошных вилл относится к более позднему времени (III—IV вв.). Характерно, что для Галлии раннеимперского периода не зафиксированы источниками имена, названия которых были бы составлены из нескольких имен, наподобие тех, которые получили

отражение в Велейской таблице. Этот факт свидетельствует об отсутствии здесь практики применения одного из самых распространенных в Италии способов концентрации земель через объединение нескольких в руках одного владельца и сохранения прежних названий каждого из них, что, в свою очередь, может являться следствием слабой концентрации земельной собственности в Галлии в первые два века. Нет прямых указаний в источниках и на существование в первые два века н. э. экзимирированных территорий, процесс образования которых являлся, безусловно, длительным и, по-видимому, своеобразным в каждой отдельно взятой провинции или даже части ее¹¹.

В Галлии имелись императорские домены, которые, естественно, были вне муниципальной юрисдикции и находились под управлением императорских прокураторов¹², но они не отличались крупными размерами и чаще всего представляли собой не землевладельческие комплексы, а рудники, карьеры и т. п. и соответствовали понятию *saltus, praedia*¹³.

Если обратиться к кадастровым надписям из римской колонии Оранж в Нарбоннской Галлии, то можно заметить, что концентрация земельной собственности была возможной в период Ранней империи и процесс этот находился в действии: некоторые лица, зафиксированные в кадастре как съемщики земли колонии на условиях вечной аренды, являлись землевладельцами в других *civitates*¹⁴. Но она, по-видимому, не могла в это время получить большого развития. Этому мешали связи с муниципием, стремление местных землевладельцев проявить себя в городе в роли декуриона, магистрата или патрона, что требовало от них солидных материальных средств. С другой стороны, развитие городов, их экономическое процветание в период Ранней империи создавали предпосылки для развития мелкой и средней собственности за счет торгово-купеческих элементов, тративших часть своих капиталов на покупку земли и загородное имение. Примером могут служить треверские купцы из Игеля, имевшие торговую лавку для сбыта сукна собственного производства в городе, а в нескольких милях от города — имение¹⁵.

Заметная концентрация земельной собственности начинается в Галлии в условиях экономического упадка городов и варварских вторжений наряду с развитием острой социальной дифференциации внутри галльского общества, в условиях материального истощения основной массы куриалов, судьба которых была неразрывно связана с экономическим состоянием городов и активностью муниципальной жизни.

Именно к этому времени (III—IV вв.) относится большинство крупных роскошных вилл, постоянно открываемых при раскопках на территории Франции¹⁶, и появляется в документах характерная для выражения крупной собственности терминология: *massae, latifundia, regna, saltus* и т. п.¹⁷

Напротив, большинство исследователей различных областей Галлии приходит к выводу о преобладании в I—II вв. поместий средних и небольших размеров. Так, например, согласно исследованию Роблена, самые крупные имения в области паризиев, площадью от 2 до

4 тыс. га, появились только в период Поздней империи, главным образом в IV в., о чем свидетельствуют их названия, хотя и происшедшие от собственных римских имен, но не содержащие каких-либо следов кельтской или даже латинской ономастики первых двух веков. Для раннего периода Империи наличие подобных крупных имений в области паризиев не засвидетельствовано¹⁸. Опираясь на свидетельства кадастров и ономастики, относящиеся к Бургони, Шом пришел к выводу, что крупные владения в этой части Галлии имелись только там, где было мало водных источников, большие пространства занимал лес, а известняковые плато не благоприятствовали земледелию¹⁹. По мнению Тевено, крупные имения в Галлии в I—II вв. встречались лишь в областях с неблагоприятными для хозяйства природными условиями, горных или лесных²⁰. Альбенк, на основе данных эпиграфики, топонимики, антропонимики и археологии относительно области рутенов, пришел к выводу, что здесь преобладали владения средних и небольших размеров, и только в период Поздней империи начало усиливаться крупное землевладение²¹. К заключению о преобладании имений средней величины, от 100 до 200 га, пришел Марто, исследовавший область Савойи²².

Многочисленные небольшие виллы были характерны для рейнских областей, от Мозеля и левого берега Рейна до германских лимес, возникновению которых способствовали военная оккупация, ветераны, римские чиновники и дельцы всякого рода²³. Та же картина здесь засвидетельствована Аттом и другими исследователями прирейнских областей²⁴.

Само понятие «крупное землевладение» в Галлии не ассоциируется с крупным хозяйством, по крайней мере по отношению к первым трем векам нашей эры²⁵.

Практика дробления крупных имений на небольшие владения для удобства их эксплуатации достаточно засвидетельствована археологическими материалами. Примером может служить вилла Шираган, уже известная нам как крупная. Обратимся к результатам ее исследования А. Гренье и Л. Жулена²⁶.

При определении размеров поместья, центром которого была эта вилла, ученые исходили из протяженности руин собственно виллы, т. е. господского дома, и ее усадьбы, на территории которой располагались многочисленные хозяйственные постройки. Исследование количества, размеров и характера последних имело при этом особое значение, так как, согласно предписаниям античных агрономов, все элементы рабовладельческого хозяйства, каковым являлась вилла, находились в строгом соотношении друг с другом, например, контингент персонала, необходимый для обслуживания виллы-домена, должен был строго соответствовать размерам хозяйственных построек и самого имения. В равной степени учитывались и те предписания агрономов, которые касаются взаимосвязи, существующей между численным составом работников имения и характером производимых в имении сельскохозяйственных культур. Так, известно, что согласно Катону, оливковая роща в 240 югеров (60 га) требует для обработки 13 человек,

или 5—6 человек для 100 югеров (25 га). Виноградник в 100 югеров требовал 16 работников (Катон, X, II). Пахотные земли в 200 югеров, по Колумелле, требовали 8 человек, сад в 200 югеров — 11 (XII, 11, 12, 7), т. е. в среднем для обработки 100 югеров земли требовалось пять работников и пара быков. Гренье берет среднюю цифру, вытекающую из приведенных соотношений, — 9 человек на 100 югеров (25 га) и округляет ее для удобства подсчета до 10. Таким образом получается, что для обработки 25 га необходимо было иметь 10 работников. Используя результаты исследований Жулена, установившего численность населения имения Шираган на основании ее хозяйственных построек, равную 400 человекам, Гренье пришел к заключению, что пахотные земли этого имения должны составлять примерно 1000 га [$(25 : 10) \times 400 = 1000$], не считая тех, которые находились под паром. Этому заключению соответствовал вывод Жулена о том, что хлевые виллы Шираган могли вместить 30 пар быков. Такое количество быков предполагает пашню не менее 750 га, поскольку парой быков, согласно Колумелле, обрабатывалось 100 югеров. Следовательно, для обработки 100 га необходимо было примерно 30—40 человек.

Однако роскошь и крупные размеры руин собственно виллы Шираган заставляли предполагать большую протяженность ее владений, а также наличие, помимо главной, еще и других вилл на ее территории, как хозяйственных центров отдельных частей домена с их собственными службами, персоналом и т. п. Для решения этой сложной задачи Гренье прибег к детальному изучению топографии места и географического положения виллы Шираган и ее окрестностей, а также многочисленных следов руин галло-римского времени, открытых раскопками на территории последних. Таким путем были замечены в многочисленных местах, иногда весьма отдаленных от виллы Шираган, следы нескольких галло-римских поселений, представлявших собой остатки небольших вилл, руины стен, их окружавших, кладбища, термы, им принадлежавшие, а также следы святилища и поселения вдоль одной из дорог. При этом Гренье заметил сходство всех этих сооружений по своему стилю с конструкциями виллы Шираган. Кроме того, он обнаружил во многих из исследованных им окрестностей виллы многочисленные посвящения той же богине Laha, а в одной из надписей в качестве посвятителей называются консакрани, являвшиеся членами коллегии, исполнявшей культ этой богини (CIL, XIII, 147). В результате всех исследований было установлено, что домен Шираган охватывал территорию, простиравшуюся в длину на 12 км, а в ширину на 5—6 км и равную, следовательно, 7—8 тыс. га.

Исходя из того, что для обработки владения в 100 га необходимо было максимум 40 человек, Гренье полагает, что на территории домена Шираган с его пахотными землями в 1000 га следует предполагать наличие приблизительно 12 вилл рустика, хозяйственных центров его отдельных частей²⁷.

Обратим здесь внимание, во-первых, на то, что первоначальная конструкция виллы Шираган относится к I в., последние постройки — к IV в. и представляют собой, как и в других подобных случаях, как

бы наращивания к первоначальной основе. Соответственно возрастала площадь имения, или наоборот, с расширением площади имения увеличивались и постройки виллы, что вполне отвечало предписаниям латинских агрономов о соотношении усадьбы и имения. Во-вторых, поскольку на огромной территории, приписываемой вилле Шираган, найдены следы других более мелких вилл, нет сомнения, что крупное имение Шираган было раздроблено для удобства эксплуатации на более мелкие, имевшие свои особые виллы в качестве хозяйственных центров. Викус же, расположенный близ дороги на территории домена Шираган, очевидно, был от него зависимым. Наличие села и нескольких хозяйственных центров на территории имения Шираган предполагает различные формы эксплуатации: труд рабов, аренду земли колонами или соответствующие обязанности крестьян-клиентов.

Вилла Шираган не единственный пример дробления имения на более мелкие части. Дроблению подвергались и средние владения. Примером могут служить многочисленные виллы, которые были открыты в Лотарингии в округе Сарребурга (деп. Мозель) в долине р. Сарра. Еще в 1912 г. один из первых исследователей этой области Ренш отметил в своем предварительном списке 98 вилл различной величины²⁸. Последующими исследованиями было установлено, что не все виллы имеют самостоятельное значение, а зависят от других²⁹. Так, например, в окрестностях Кондрексанга (в том же округе) 13 открытых здесь вилл на площади в 1296 га размещались следующими тремя группами, отличавшимися друг от друга стилем конструкций. В 1500 м к востоку от села на скате холма обнаружены остатки виллы средней величины, 60×80 м, близ нее — следы древней дороги, которая на расстоянии примерно 700 м вела в южном направлении к руинам другой виллы, а в северном — к третьей. Вторая и третья виллы, расположенные у самой дороги, были значительно меньше размерами и представляли собой скорее всего не самостоятельные виллы, а всего лишь центры отдельных частей общего владения основной виллы. К этой же группе принадлежала, очевидно, и вилла, расположенная к югу от села. Вторую группу составляли четыре виллы к северу от того же села, которые своим расположением по отношению друг к другу образовывали почти правильный прямоугольник со стороной от 800 до 900 м и, очевидно, также относились к одному и тому же имению. Третья группа включала четыре однородные виллы, размещавшиеся к западу от села. Причем одна из них находилась вблизи от него, а три другие — на расстоянии 1500 м вдоль дороги и в 800—900 м друг от друга. Таким образом, тринадцать обозначенных вилл составляли три или четыре имения, средней площадью примерно в 300 или 400 га, поскольку на все виллы приходилось, как было отмечено, 1296 га. Так как на территории каждого домена размещалось по три или четыре виллы, ясно, что эксплуатация его осуществлялась через распределение на более мелкие владения, примерно по 100 га. Следовательно, каждое владение из 13 представляло собой небольшое имение катоновского типа, предполагало те же затраты рабочей и тягловой силы. А каждое из перечисленных трех или четырех имений,

расчлененных таким образом на три-четыре небольших, являлось доменом средних размеров, для эксплуатации которого было необходимо соответственно большее число работников и тягловой силы. Если, по Катону, на 100 югеров должна была приходиться пара быков, то в данном случае, на 100 га их требовалось четыре пары, а для всего имения 12 или 16 пар. Работников на 100 югеров нужно было 8—11, на 100 га, следовательно, их требовалось примерно 40 или 120—160 для имения в целом.

Археологические данные позволяют утверждать сохранение в Галлии большого количества имений средних и небольших размеров даже в течение III в. Многочисленные небольшие виллы обнаружены, например, в Рейнской области в 30 км к югу от Меца на месте современного округа Даутенхейм близ Альцей, руины которых датируются III в. Причем 20 таких вилл рустика располагались двумя рядами по обеим сторонам реки, примерно на равном расстоянии друг от друга, так что промежутки, их отделявшие, были соответственно равны: 426, 600, 426, 300, 400, 800 м, а четыре виллы находились друг от друга точно на расстоянии 350 м. Равномерность протяженности вилл наводит исследователей на мысль, что речь идет, по-видимому, о военной колонизации, так как Альцей, вокруг которого располагались эти виллы, являлся крепостью. Догадка подтверждается аналогичными примерами для правого берега Рейна, где наблюдалась такая же частота и равномерность размещения вилл на землях лимес и Декуматских полях, принадлежавших ветеранам. Они были также отделены друг от друга расстоянием примерно в 710 м (цифра 710 как раз характерна для римской центуриации)³⁰.

Следы центуриации обнаружены в окрестностях Страсбурга, где при исследовании руин галло-римских доменов было замечено, что расстояние между главными сельскими дорогами этой местности равнялось 800 м. То, что дороги отделялись промежутком в 800 м, а не 710, исследователями относится за счет испорченности линий античной центуриации, в течение многих веков отделявшей античность от современности³¹.

В областях, наиболее романизованных, особенно там, где имелись поселения ветеранов, в Нарбоннской провинции и северо-восточной Галлии, мелкое и среднее землевладение сохранялось даже в период Поздней Римской империи, крупные владения в этих областях никогда не были преобладающими³².

Наиболее крупные хозяйства обычно делились на несколько имений и форма ведения хозяйства в них должна была быть иной, чем в самостоятельных небольших имениях или в крупных, но не разделенных на части. Возможно, это различие обуславливало и применение труда разных социальных групп работников. Так, в имении Шираган, разделенном на несколько частей, применялся труд не только рабов и вольноотпущенников, но и зависимых крестьян, колонов и клиентов. Различны были имения и по своей хозяйственной направленности, связям с городом и степени товарности.

Известны виллы, специализировавшиеся исключительно на произ-

водстве зерна. Такой, по всем признакам, была вилла, обнаруженная при раскопках 1947—1952 гг. к востоку от деревни Кадейльхан (деп. Жер) на территории современной фермы де ла Таск. Контуры фермы точно соответствуют расположению галло-римской виллы, условно названной ее именем³³. Судя по керамике из Грофесенка, обнаруженной здесь в большом количестве, первая конструкция виллы восходит к концу I в., а вторая — к концу III—IV вв. По гребню холмов, где располагалась вилла, проходила римская дорога из Лектура в Тулузу. Почва в месте расположения изобиловала водными источниками и строительными материалами, отличалась высоким плодородием и была весьма благоприятна для производства зерновых культур. Среди орудий труда, найденных в вилле, преобладали сельскохозяйственные (серпы, жернова для дробления зерен, переносные, небольших размеров, вращающиеся вручную). Особенно любопытна находка верхней части большой каменной мельницы (*catullus*, высота 0,35, диаметр 0,71 м). Широко распространенная в Италии (Помпеях, Остии и других городах), эта мельница была исключительным явлением для Галлии и потому свидетельствует о романизованном характере виллы. Вилла де ла Таск, построенная в соответствии с планом Витрувия и предписаниями Катона и расположенная вблизи водных источников и крупного торгового пути, представляла собой законченный и совершенный тип сельской виллы средних размеров, весьма распространенный в I—II вв. в южной Аквитании³⁴.

Земледельческий характер имело хозяйство виллы д'Антон, расположенной в 20 км от Лиможа (деп. Вьенна) на возвышенности у слияния двух рек. Помимо выращивания зерновых злаков, чему способствовало исключительное плодородие земель, вилла д'Антон, возможно, была специализирована на виноделии. Об этом свидетельствуют современные названия сельских поселений, расположенных на месте галло-римской виллы: *Vignes, Hautes, Boissieres*³⁵. О производстве вина на продажу можно судить по многочисленным находкам в вилле амфор привозного и местного происхождения с орнаментом в виде виноградной лозы³⁶.

Чисто сельскохозяйственный характер, по-видимому, имела упоминавшаяся вилла де ла Вернье в Ромега (деп. Нижняя Шаранта) в юго-западной части Галлии. С восточной, северной и частично западной стороны она граничила с болотами и ручьями, над болотами с севера на юг простиралось известняковое плато с красноглинистой почвой и небольшими островками пахотных земель. На юге проходили древнегалльские и римские дороги. Хозяйственные постройки виллы в основном представлены конюшнями и хлевами больших размеров (292 × 91 м; 24,8 × 19,2 м).

Крупные размеры хозяйственных построек, предназначенных для содержания домашнего скота, недостаточно большие площади пахотных земель и окружающий рельеф — заливные луга, возвышенности, удобные для пастьбы, заставляют предполагать, что хозяйство виллы Вернье имело преимущественно животноводческий характер. Обилие домашнего скота и расположение виллы по соседству с дорогами,

связывавшими ее с окрестными городами, говорит о возможной связи имени с рынком для сбыта продуктов скотоводства. Во всяком случае, известно, что Галлия экспортировала в Италию лошадей и других домашних животных, а также шерсть, солонину. Страбон говорит, что секваны ввозят в Рим самые лучшие свиные окорока (III, 192). Кожи и овечья шерсть были предметом экспорта во все провинции и Италию. Многочисленны в Галлии барельефные изображения и посвящения богине Эпоне, покровительнице коневодства³⁷. Связи виллы с рынком и товарно-денежный характер ее хозяйства подтверждаются находками многочисленных фрагментов привозной керамики, в том числе из Лезу, Грофесенка, Аргона и других центров Галлии. Наряду с другими скульптурами в вилле была обнаружена статуя сидящей богини с рогом изобилия³⁸.

Сочетание земледелия и скотоводства можно предполагать в имении де Буфос в Верневиле (деп. Уаза)³⁹.

Некоторые имения имели еще более сложный характер и включали наряду с сельскохозяйственными отраслями различные ремесла.

Богатый археологический материал, собранный при раскопках виллы Монморен, позволяет судить о ее сложной хозяйственной жизни. Вилла отличалась удобным географическим расположением в долине реки, вблизи от путей сообщения. Двор виллы рустика окружали многочисленные хозяйственные постройки. В северо-западной части усадьбы располагалось сравнительно не крупное строение почти квадратной формы (11,1×10,35 м), состоящее из двух отделений, одно из них, по-видимому, являлось хлевом. К западу от него размещалась более крупная постройка (24,6×18 м) с фасадной галереей, по краям которой располагалось по одному жилому помещению, причем в одном из них открыта целая коллекция ткацких весов. Два помещения (11,5×3,5 м) выходили во внутренний двор и были предназначены для овец (об этом говорит наличие двух ворот, через которые стадо выходило непосредственно на пастбище, крытой галереи, защищавшей пастухов от дождей во время выгона и загона овец, и крыши, примыкавшей к стене изгороди близ ворот). Недалеко от этого строения располагалось другое (10,5×8,1 м). Оба были разделены на 4 неравные части и служили, по-видимому, жильем. В 15 м находилось помещение с большим пристроен для животных. Постройка (19×11,5 м) с крытой галереей была сараем, конюшней или хлевом. Строения другого комплекса, занимавшие прямогольное пространство (26,3×24,3 м), состояли из 12 помещений, расположенных вокруг двора. Три из них на восточной стороне были жильями, на противоположной стороне находились хлевы, вмещавшие около 30 быков. Второй ряд построек располагался к северо-западу от центрального прохода, третий — между центральной дорогой и рекой, но о них пока нельзя сказать ничего определенного. В целом усадебные постройки занимали площадь 18 га (800×225 м), относились к I—II вв., были выполнены в римском стиле. Обращает на себя внимание равенство расстояния каждой из сторон виллы от старых дорог, что обеспечивало ей удобные подходы, рационально продуманное расположение хозяйственных служб параллельными ряда-

ми по обе стороны центральной дороги, самый выбор места для постройки виллы и т. п. Вилла Монморен, таким образом, весьма напоминает по величине и характеру хозяйства виллы д'Аnten и Шираган и датируется тем же временем, т. е. I в. н. э. Наличие плодородной почвы, как условие для успешного земледелия, а также массы построек, предназначенных для домашних животных, в частности овец, телят и свиней (сохранилось множество костей этих животных), позволяет сделать заключение о том, что хозяйство виллы имело не только земледельческий (пахотные земли занимали около 1000 га), но и скотоводческий характер. Кроме того, изобилие по соседству различных пород леса и карьеров, богатых строительным камнем, предполагает развитие здесь соответствующих промыслов. Хозяйство виллы было, таким образом, автарктичным. Все необходимое изготовлялось в вилле на основе местных ресурсов. Покупалось железо, но обработка его производилась в поместье. Покупным вначале было вино. Продавались главным образом домашние животные и птица, кожи, а также строительный камень. Близлежащие пути сообщения, сухопутные и речные, свидетельствуют об экономических связях виллы с внешним миром. В частности, через притоки Гаронны и Нестры она была связана с крупными портами Испании⁴⁰. В конце II — начале III в. вилла пережила какое-то стихийное бедствие, к середине III в. была восстановлена и перестроена: на территории имения III—IV вв. не находят следов дома виллика и жилых помещений для работников. Это обстоятельство дает основание предполагать, что рабы и другие категории работников, находившиеся ранее под контролем виллика, уступили место крестьянам-арендаторам, держателям земель вилловладельца⁴¹.

Известны многочисленные виллы в Белгике, в которых параллельно с сельским хозяйством развивались различные отрасли ремесла: гончарное производство, железная металлургия. Многими виллами эксплуатировались каменоломни, располагавшиеся по соседству⁴².

Обилие хозяйственных построек промышленного типа — кузница, слесарные мастерские, гончарни и т. п., наличие большого количества соответствующих орудий труда и фрагменты изделий местного производства дают основание предполагать, что продукция их была рассчитана, по крайней мере частично, для сбыта на рынке.

Археологические данные свидетельствуют о том, что подобные виллы были характерны для Ранней империи, включая начало III в. Так, например, в местечке Alt Schloss раскопками 1946 г. и последующими обнаружены руины одной из небольших вилл, восходящей ко II в. и разрушенной, как и многие другие виллы северо-восточной Галлии, в конце III в. Наряду с предметами, относящимися явно к земледельческим работам (остатки мельницы, пресса), здесь обнаружены кузница и большое количество инструментов для деревообделочных работ, что в сочетании с обилием лесов заставляет предполагать не только сельскохозяйственный характер хозяйства, но и деревообделочные ремесла и сплав леса для продажи⁴³.

Такой же характер имела вилла в Бликсбруке (деп. Мозель). Комплекс построек крупной виллы Сент-Урлиш (близ Сарребурга,

деп. Мозель) свидетельствует о том, что это было имение типа д'Анте⁴⁴. В Перигоре (деп. Сены и Луары) наряду с многочисленными сельскохозяйственными постройками виллы открыты остатки металлургической печи⁴⁵. В Сезанне (деп. Марна) вблизи перекрестка больших дорог находилась вилла (пострадавшая во время событий 68 г. и совсем заброшенная во второй половине III в.), которая имела собственные мастерские для литья бронзы и производства керамики⁴⁶. Так же можно характеризовать виллу Макквиллер, расположенную близ Сарруниона в области медиоматриков, расцвет которой приходится на вторую половину III в. Вокруг виллы были расположены жилища местного населения, а на территории ее имения найдены многочисленные остатки кирпичного производства. Для хозяйственной характеристики виллы важно отметить находку матрицы для изготовления изделий terra sigillata местного происхождения. По всей вероятности, здесь было и собственное керамическое производство⁴⁷. Таким образом, с хозяйственной точки зрения вилла Макквиллер представляла собой экономический центр всей сельской округи. Ее производство должно было удовлетворять как потребности самой виллы, так и населения, ее окружавшего, и в большинстве своем, очевидно, занятого в хозяйственно-производственных процессах имения (вероятно, колонов и клиентов).

Владельцы многих имений в I—II и даже в III в. были поставщиками различной продукции для городов и окрестного сельского населения. По-видимому, развитыми товарными отношениями отличалось упоминавшееся уже крупное имение д'Анте в Белгике, в котором производство, например, различных ювелирных изделий значительно превосходило внутренние потребности. Найдены здесь многочисленные и разнообразные инструменты кожевенного и ткацкого ремесла. Окрестности д'Анте были богаты железными рудами. Производство железа осуществлялось в подчиненном вилле местечке, носившем характерное название Forge («металлургический», «железоделательный» или «кузница»). Кроме того, имение д'Анте известно как один из центров медного производства галло-римского времени⁴⁸. Таким образом, ремесленное производство виллы д'Анте было рассчитано не только на удовлетворение потребностей местного хозяйства, но и на рынок.

Бесспорным и ярким примером имения, втянутого в товарно-денежные отношения, является владение треверских купцов Секундиев, имевших виллу и одновременно лавку для сбыта сукна в городе. Характерны барельефные изображения их надгробного памятника под Игелем: сцены продажи сукна, его перевозки из виллы в город и другие⁴⁹.

Среди многих предметов, обнаруживаемых при раскопках галло-римских вилл, встречаются изображения богинь изобилия и плодородия, покровительниц урожая, в форме статуэток различной величины. Характерно, что в одной руке они держат наполненный монетами кошелек, а в другой — плоды и фрукты⁵⁰. Таким образом символизируется хороший урожай и прибыльный сбыт его. Поскольку подобные

статуэтки довольно часто встречаются в галло-римских виллах и сами изображения богинь плодородия имеют чисто галльские черты, можно предполагать, что хозяйства, связанные с товарно-денежными отношениями, были типичным явлением в Галлии этого периода. Так, например, на территории имения Лукториев у кадурков (Аквитания) при раскопках в Кверци (о наличии здесь наследственного землевладения судят на основании эпитафии в честь Марка Луктория, сына Луктория, Сенциана Лео)⁵¹ были обнаружены монеты отдаленных колоний — *Bilbilis, Caesar Augusta, Callugurris, Tarragona* и других, что свидетельствует об оживленных торговых связях имения с данными колониями. К тому же известно, что обработка льна и производство холста занимали важное место в экономике кадурков еще в доримское время⁵². В период Империи их льняные ткани славились не только в провинциях, но и в Италии и даже самом Риме. Некоторые виллы при этом выступали главными поставщиками для ткацкого производства области кадурков (современ. Кагор)⁵³.

Лен, шерсть, сукна играли большую роль в экспорте Галлии. Многие надписи упоминают *vestigarii, sagarii*, торговцев тканями и одеждой. Помимо кадурков, культурой льна прославились северные общины — морины, калеты, в центральной Галлии — битуриги, на юге — рутены⁵⁴. Во многих виллах обнаруживаются остатки ткацких мастерских и весов. Некоторые мастерские, во всяком случае, работали не только для удовлетворения внутренних потребностей имения, но и на продажу. В других случаях виллы выступали поставщиками сырья для городских мастерских, откуда льняные и шерстяные ткани поступали к центонариям, многочисленным корпорациям которых обеспечивали перевозки и продажу тканей в различные города и провинции. Античные авторы упоминают добротные и весьма распространенные в римском мире туники с капюшоном (военные плащи) и другие виды одежды галльского производства, предназначенные преимущественно для удовлетворения нужд простого люда и воинов римской армии⁵⁵ и изготовлявшиеся у левков, нервиев, лингонов, секванов, сантонов и в других общинах. Шерсть и шерстяные изделия производились главным образом в северных и северо-восточных областях Галлии — у атребатов, треверов, на территории будущей Фландрии: в Турнэ, Ланграх, Сантэ. Близость армии стимулировала здесь производство шерстяных изделий, драпа и простой одежды. Трир выступал в роли главного центра экспорта пряжи.

Товарный характер хозяйства некоторых вилл в Швейцарии отражают граффити на амфорах из Аугста (*Augusta Raugricorum*) и Виндониссы. Так, например, содержание одного из граффити на амфоре из Аугста следующее: *G(arum) Hispa(num) Frontonis v(illici)*⁵⁶. Здесь под «гарум испанский» можно понимать «гарум, приготовленный для экспорта в Испанию», а не испанского происхождения, так как известно, сколь искусны были галлы в приготовлении этого популярного тогда рыбного соуса, ставшего одним из распространенных предметов межпровинциального обмена. Другая надпись подчеркивала лучшие качества того же гарума: *G(arum) Sc(omori) f(los) excellens ve(tus)*⁵⁷.

Аналогично содержание граффити на фрагменте амфоры, из Виндониссы: *Surren(tinum) pery(etus) Certi*⁵⁸, т. е. очень старое суррентинское вино Церта.

Марки на амфорах сохранили названия фиглин, располагавшихся на территории частных земельных владений: *figlinae Varba(...)*, *figlinae Grumenses*⁵⁹. Местные фиглины вполне обеспечивали внутренние потребности вилл в посуде широкого потребления и таре, необходимой для хранения и экспорта вина, масла, зерна и других сельскохозяйственных продуктов. В некоторых случаях виловладельцы пользовались в тех же целях амфорами, специально изготовлявшимися в соседних городах. Так, например, предполагается существование в Вьенне гончарных мастерских, специализировавшихся на производстве амфор для вина и обслуживавших окрестных виноделов в долине Роны⁶⁰.

Весьма развитым было виноградарство в Галлии. Выращиванием лучших сортов винограда и производством вина славилась аллоброги, экспортировавшие виноград и вино в Италию, битуриги; весьма ценились мозельские вина⁶¹. Барельефы одного из надгробных памятников из Новиомага (*Noviomagus*) изображают амфоры для вина, обернутые в солому, девушку с гроздьем винограда, два корабля с винными бочками и навигатора⁶². Развито виноградарство было у арвернов и гельветов, но особенно славилась вьенские вина. Крупнейшими центрами экспортной виноторговли были Лугдун, Нарбон, Аугста Треверов. Колумелла говорит об импорте вина в Италию с Киклад, Бетики, Галлии (1, 20). Известно, что производство вина в провинциях вызвало опасение римско-италийских землевладельцев, и Домициан, защищая их интересы, возобновил в 92 г. запрет виноградарства в провинциях, имевший место уже в республиканскую эпоху⁶³. Но эдикт Домициана в Галлии успеха не имел. Надписи свидетельствуют о процветании во II в. лугдунских виноторговцев. В Риме находят амфоры для вина южно-галльского происхождения из Безье (*Baeterrae*). Виноторговцев в галльских городах можно было встретить среди декурионов и августалов, их коллеги, как и корпорации навикуляриев и моряков, играли большую роль в общественной жизни страны. Они выступали патронами городов, коллегий, им воздвигали почетные статуи. В роскошных надгробьях виноторговцев из Новиомага повторяются изображения игелевской колонны, но товары представлены здесь большими деревянными бочками⁶⁴.

Установлено, что римское завоевание способствовало развитию в Галлии виноградарства и в течение I—III вв. здесь возникли крупные плантации, начиная от Нарбоннской Галлии вплоть до берегов Сены, Мозеля и Рейна⁶⁵. Р. Дион, посвятивший ряд специальных исследований галльскому виноделию⁶⁶, пришел к заключению, что виноградарство в северных областях Галлии было с самого начала делом коммерческим и связано с деятельностью виноторговцев. Надгробья виноторговцам и керамика позволяют проследить за развитием виноделия в Бургони, например: они расположены как бы вехами в том самом направлении, в котором распространялось виноградарство, от Шалона на Саоне вплоть до Рейнской области⁶⁷, на многих из них имеются

барельефные изображения богов — покровителей виноделия Бакха или Диониса и посвящения им⁶⁸. В западных и северо-западных областях виноградарство осваивается позднее и только в III—IV вв. Бурдигала в Аквитании становится крупным центром виноторговли⁶⁹.

С середины II в. Галлия экспортировала в Рим оливки и масло⁷⁰. Барельеф из Нарбона изображает раба, наполняющего оливами большую амфору, предназначенную для отправки⁷¹. В Арелате действовала коллегия *diffusores olearii*, включавшая как импортеров, так и экспортеров оливкового масла. Фрагмент стены Аугста (*Augusta Raucicorum*) сохранил изображение двух рабов, несущих амфору с оливами⁷². Обращают на себя внимание частые находки остатков давлен или прессов для оливок в виллах.

Наконец, следует отметить роль Галлии в торговле зерном. Из Нарбонской Галлии, Аквитании, долины Гаскони, на севере — из долин Луары, Шельды и Мааса хлеб доставлялся в склады Лугдуна, Арелаты и Нарбона. В порту Нарбона обнаружен огромный *dolium* в форме бочки, предназначенный, как предполагается, для измерения и хранения поступившего сюда зерна, а в Остии открыт мозаичный фрагмент нарбонской схолы с изображением корабля перед высоким складом в момент разгрузки⁷³. О большой роли Галлии в снабжении римской анноны можно судить по деятельности арелатинских навикуляриев, организованных в пять коллегий. Сохранилось письмо префекта анноны к арелатинским купцам, имевшим свою торговую контору в Бейруте (Сирия). Префект требует от прокуратора провинции обеспечить торговые интересы и безопасность передвижения арелатинских купцов (CIL, III, 14165; XII, 692, 982). В случае отказа арелатинских навикуляриев поставлять регулярно в Бейрут хлеб провинции угрожали тяжелые осложнения. Этим и объясняется посредничество префекта анноны между арелатинскими поставщиками хлеба и прокуратором провинции.

Посредниками между крупными торговцами или торговыми коллегиями и поместьями, где выращивались хлебные злаки, были навигаторы, занимавшиеся скупкой товара для продажи. Барельеф надгробья одного из навигаторов по Саоне (*pauca agaricus*, CIL, XIII, 5489) из Дижона изображает погрузку зерна на телегу⁷⁴. Поскольку Дижон расположен не на самой Саоне, а у одного из ее притоков, примерно в 30 км от нее, ясно, что названный навигатор был скупщиком и перевозчиком товара.

Рейнские области, особенно по Мозелю и Маасу, известны как житницы местных армий, а также как главные источники по снабжению армии вином, одеждой, обувью, строительным лесом, металлами, гончарными изделиями и т. д.⁷⁵.

Следует заметить, что развитию товарно-денежного хозяйства галло-римских землевладельцев способствовали удобные естественные пути, множество рек, весьма протяженных и полноводных: Рона связывала Центральную и Южную Галлию, а ее приток Саона вел далеко на север; из бассейна Роны и Саоны в несколько дней можно было достичь других величайших рек Галлии — Гаронны, Луары и Сены, судоходных

почти на всем своем протяжении и впадающих в океан; от Саоны легко было добраться до Мозеля, в восточную часть Галлии. Ни в одной другой римской провинции не было так развито судоходство, как в Галлии. Не только перечисленные крупные реки, но и менее крупные их притоки и даже озера были судоходны и имели своих навигаторов. В одной из надписей упоминаются, например, *nautae lacus Lemanni*⁷⁶. К этому следует прибавить успехи строительной политики римского правительства. При Нероне был прорыт 23-метровый канал, соединивший устья Рейна и Мааса. Строительство римских дорог активизировало внутренние экономические связи. Уже при Агриппе, в 38 г. до н. э.—3 г. н. э., была проложена целая дорожная сеть. Одна дорога шла из Лиона через Лангры и Мец к Рейну, другая — через Париж и Амьен в Цезориакум (Булонь на море), третья пролегла в западно-южном направлении и достигала Аквитании. При Клавдии проложена дорога по левому берегу Рейна вниз от Майнца⁷⁷.

Итак, можно прийти к заключению, что в Галлии I—III вв., хотя и имелись крупные поместья, преобладающими были владения средних и небольших размеров. Крупные имения, за исключением императорских, как правило, не выходили за рамки *civitates* и не были поэтому эксимированными. Практика дробления не только крупных, но и средних имений на мелкие, как более рентабельные, подчеркивает их рабочевладельческий характер в изучаемое время. Многие были специализированы и выступали как чисто земледельческие, земледельческо-скотоводческие, в некоторых сельскохозяйственная деятельность сочеталась с различными ремеслами. В I—II и начале III в. они были тесно связаны с рынком и играли роль поставщиков важнейших товаров или различного сырья для городов, армии и окрестного населения. Крупные имения, характерные для III в. и более позднего периода, были слабо связаны с рынком и представляли собой самодовлеющие хозяйства, где все необходимое производилось собственными силами и продукция была рассчитана главным образом для собственного потребления.

Отмечая товарно-денежные связи галло-римских имений с рынком, не следует, однако, преувеличивать степень их развития и забывать о их натуральной основе. В связи с этим мы не можем пройти мимо модернистских заключений на этот счет М. И. Ростовцева. Так, подчеркивая роль прирейнских городов, и особенно Трира (*Augusta Treverorum*), в поставках продукции для римской армии и капиталовложений купцов этих городов в доходные предприятия, он говорит, что так зародилась идея заменить ввоз зерна, скота, вина, шерстяных, кожаных и других изделий собственным производством, отсюда, как следствие, — развитие земледелия, скотоводства и виноградарства в больших масштабах на капиталистической основе⁷⁸. Квалифицируя сельское хозяйство рейнских областей Галлии как капиталистическое, Ростовцев соответственно рассматривает и взаимоотношения землевладельцев и работников, занятых в их владениях. Землевладельцев типа Секундиев из Игеля он называет банкирами нового общества, возникшего под влиянием изменившегося экономического положения. Эти банкиры ссу-

жали якобы местных крестьян деньгами, и последние оказывались, таким образом, в зависимости от них. Отсюда в сцене арендных платежей на иглевском надгробье Ростовцев склонен видеть воспроизведение банковских операций. Виллы, по Ростовцеву, были, таким образом, не только крупными сельскохозяйственными и промышленными предприятиями, но и местными банками⁷⁹.

Модернизирует социально-экономические отношения и современный польский исследователь Ежи Колендо, когда утверждает, что одной из причин применения жнейки именно в Галлии (о чем свидетельствуют Плиний Старший, Палладий, многочисленные барельефы) являлся недостаток в рабочей силе, который, в свою очередь, по его мнению, являлся следствием бурного развития городов в Галлии⁸⁰.

Развитие античного города шло по иному пути, чем капиталистический, и не сопровождалось массовой экспроприацией сельского населения, а следовательно, и его отливом в города в поисках заработка. Наоборот, даже ремесленники и работники, занятые в рудниках, часто продолжали сохранять связь с сельским хозяйством. Об этом свидетельствуют упоминания в надписях сельчан, работающих на железных рудниках (*pagani ferrasienses*), жителей села, приносящих дар Меркурию, богу — покровителю ремесла и торговли, наличие в имениях ремесленников, являвшихся жителями местных сел и деревень. К тому же не следует преувеличивать ни роста, ни роли городов. Многие галльские общины в течение I—III вв. не имели вообще городского статуса, особенно это относится как раз к северной Галлии, где автор отметил широкое применение жнейки.

Неправомерно говорить и о самом недостатке рабочей силы в I—II вв. На этот период падает расцвет рабовладельческих вилл, важная роль сельскохозяйственного производства в развитии товарно-денежных отношений, поскольку именно продукты сельского хозяйства являлись основными объектами торговли с Италией, провинциями и даже внутри Галлии. Наконец, многими надписями и археологическими данными засвидетельствовано наличие в Галлии большого контингента свободного крестьянства, организованного в самоуправляющиеся общины⁸¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. Н. Белова. О предпосылках возникновения вилл в римской Галлии (I—II вв. н. э.). — В сб: АДСВ, вып. 6. Свердловск, 1969; *Ее же*. О формах зависимости в сельском хозяйстве в римской Галлии I—III вв. (по эпиграфическим и археологическим данным), — ВДИ, 1970, № 1.

² О преобладании крупного землевладения в Галлии см.: Н. Dessau. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Berlin, 1924, S. 510; Э. К. Путнынь. Политика императоров династии Юлиев — Клавдиев в области землевладения. — «Уч. зап. Сарат. ун-та», 1947. Сер. историч., т. 17, с. 257, прим. 2. О средней и мелкой собственности в римской Галлии см.: С. Jullian. *Histoire de la Gaule romaine*, IV. P., 1914, p., 376, 377; V, 2-e ed., p. 360; J. Jung. *Die romanischen Grundschaften des römischen Reiches*. Innsbruck, 1881, S. 263; A. Grenier. *Archéologie gallo-romaine, dans le Manuel d'archéologie préhist., celtique et gallo-rom. de Déchelette*, VI, 2. P.1934, p. 898, 930; G. Lizerand. *Le regime rural*

de l'ancienne France. P., 1942, p. 16—17. А. П. Каждан (ВДИ, 1953, № 3, с. 91) и Е. М. Шгаерман (там же, с. 265) представляют себе картину аграрного строя в этой провинции довольно пестрой. Ростовцев высказал вообще сомнение по поводу возможности определить, насколько было характерно для Галлии раннеимперского периода развитие средних и мелких имений, по сравнению с крупными (*M. Rostowtzev. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Berlin, 1926, I, S. 179*).

³ Например, Дозат рассматривает имение поэта IV в. Авзония в 260 га и такое же владение тестя Аполлинария Сидония как крупное, имение же в 100 га он определяет как среднее (*A. Dauzat. La vie rurale en France. P., 1950, p. 2—26*). Жюллиан те же земли квалифицирует как типичные владения декуртионов средних размеров, а небольшими называет имения в несколько арпентов (*C. Jullian. Histoire de la Gaule, 8, p. 146—148*). Для И. М. Гревса имение Горация в 300 югеров — типичное среднее землевладение (*И. М. Гревс. Очерки по истории римского землевладения во времена Империи. — ЖМНП, 1895, № 297, 1, с. 159*). Гренье считает средним имение от 200 до 400 га (*A. Grenier. Archéologie gallo-romaine, p. 930*). Шом (*M. Chaume. Les anciens domaines gallo-romains de la region Bourgoignonne. — Mémoires de la Commission des Antiquités du département Côte-d'Or, 1934, XX, 2, p. 269*) предлагает понимать под крупными владениями земли от 2—4 тыс. га и более, под средними — имения до 1000 га и небольшими — 250 га и менее. В Италии же в конце республики, по мнению В. И. Кузицина, латифундиями, т. е. крупными имениями, считались владения в 1000 югеров, т. е. примерно в 250 га, а в I в. н. э. — более крупных размеров (см. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973, с. 182).

⁴ *M. Chaume. Les anciens domaines, p. 258.*

⁵ *C. Jullian. Histoire de la Gaule, V, p. 360, n. 3; Prosopograph., III, p. 352.*

⁶ *M. Rostowtzev. Gesellschaft..., I, S. 179.*

⁷ *A. Grenier. Archéologie gallo-romaine, p. 832—850.*

⁹ *M. F. Delage. Fouilles de la «villa d'Antone» à Bierre-buffier (Haute — Vienne). — «Gallia», 10, 1952 (1953), p. 1—14.*

⁹ *Paulette et Paul Burgand. La villa gallo-romaine de la Vergnée à Romegaux. RA, 1940, 16, p. 60.*

¹⁰ Результаты раскопок и предварительные выводы опубликованы в обширной монографии: *G. Fouet. La villa gallo-romaine de Montmaurin. P., 1969, XX-e supplément à «Gallia»*. Обнаруженные следы виллы позволили довольно точно воспроизвести план ее построек, определить время основания (I в. н. э.) и отдельные периоды ее существования до IV в. Кроме того, они дают возможность судить о внешнем виде виллы, роскоши быта, вкусах и занятиях ее владельцев. Но даже эта вилла, сохранившаяся в наилучшем виде, пока что не поддается полной реконструкции. Так, например, из 20 хозяйственных построек больше половины в силу плохой их сохранности не определены в плане, неясным поэтому остается и их назначение.

¹¹ Во всяком случае, этот вопрос является сложным и спорным в литературе. Имеются мнения, что они являлись или следствием щедрости императоров, или результатом оккупации и постепенного превращения первоначальных владений в частную собственность, наконец, допускаются самые различные пути их появления в зависимости от места, времени и аграрного строя той или иной провинции (см.: *M. Chaume. Op. cit., p. 263*).

¹² *O. Hirschfeld. Die Kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diokletian. Berlin, 1905, S. 149.*

¹³ Следы их существования прослеживаются по данным топонимики у конвенов в области Пиренеев, в долине Обы. Известен императорский домен *Saltus Sumelocennensis* в долине Неккара (*O. Hirschfeld. Op. cit., S. 157; A. Grenier. La Gaule romaine. An economic Survey of ancient Rome, III. Baltimore, 1937, p. 502*). В надписях упоминаются прокураторы частных императорских владений и фиска: *CIL, III, 536, 1456; XIII, 1807, 1550, 1808; Suet., Tib., 49*.

¹⁴ *A. Piganiol. Les documents cadastraux de la coloniae romaine d'Orange, XVI-e supplément à «Gallia». P. 1962.*

¹⁵ *H. Dragendorff und E. Krüger. Das Grabmal vom Igel. Trier, 1924.*

¹⁶ «Gallia», XV, 1957, p. 315; XVI, 1958, p. 158—187; XXIV, 1966, p. 471, 492, 498; XXVI, 1968, p. 385.

¹⁷ *A. Grenier. Archéologie gal-rom., p. 865.*

- ¹³ *M. Roblin*. Le terroir de Paris aux époques gallo-romaine et franque, P. 1951, p. 339.
- ¹⁹ *M. Chaume*. Les anciens domaines, p. 306—307.
- ²⁰ *E. Thévenot*. Les Gallo-romains. P., 1948, p. 33.
- ²¹ *A. Albenque*. Les Ruthènes. P. 1948, p. 221.
- ²² Revue Savoisiennne, 1920, p. 75—76.
- ²³ *A. Grenier*. La Gaule romaine, p. 485, 508, 539; *A. Grenier*. Arch. gal-rom., p. 930.
- ²⁴ *J. J. Hatt, A. Siat, A. Stieber*. Recherches sur des domaines gallo-romains du Kochersburg. — «Caiers alsaciens d'archéologie, d'art et d'histoire». Strasbourg, 1958, p. 56—70.
- ²⁵ *A. Grenier*. La conquête du sol français. — «Annales d'hist. econ. et soc.», 1930. p. 38—39; *M. Chaume*. Op. cit., p. 307.
- ²⁶ *A. Grenier*. Archéologie gallo-rom., p. 832, 850, 889.
- ²⁷ *Ibid.* См. карту расположения виллы Шираган. — *Там же*, с. 895.
- ²⁸ *Rensch*. Römische Villen im Kreise Saarb. — «Jahrb. d. Gesellschaft für lothring. Gesch. und Altertumskunde (Annuaire Metz)», XXIV, 1912, S. 302—304.
- ²⁹ *A. Grenier*. Archéologie gal-rom., p. 908—909.
- ³⁰ *Ibid.* p. 899—902.
- ³¹ *J. J. Hatt, A. Siat, A. Stieber*. Op. cit., p. 60—65.
- ³² *Н. И. Львов*. Из истории кризиса Римской империи во второй половине V в. н. э. — «Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», т. 13. Сер. историч., вып. 2, 1950, с. 9.
- ³³ Замечено широкое распространение в юго-западной Франции названия Кадейхан, которое встречается в нескольких южных департаментах и много раз в деп. Жер. Полагают, что этот топоним произошел от названия галло-римского имения Catilianum, образованного, в свою очередь, от соединения кельтского антропонима Catilius или Catilus и латинского суффикса anum. Античное происхождение его обосновывается открытием в этой местности руин галло-римских строений. Имя *Tasq*, которым названа современная ферма, является топонимом, так как на кельтском языке оно означает «холм, покрытый травой» или «лес», что соответствует расположению виллы, и так как территория размещения современной фермы Таск и галло-римской виллы совпадает (*Mary Larrien, Ives Le Moal, M. Labrousse*. Villa de la Tasque à Cadeilhan-Saint-Clar (Gers). — «Gallia», XI, I, 1953, p. 41—67).
- ³⁴ *Ibid.*, p. 67.
- ³⁵ *F. Delage*. Fouilles de la villa d'Antone, p. 1—30.
- ³⁶ О размерах имения можно судить по площади раскопок (110×90 м) и следам руин за пределами района раскопок, которые свидетельствуют о том, что территория виллы была еще обширней (*там же*, с. 14).
- ³⁷ *E. Esperandieu*. Recueil général des bas-reliefs de la Gaule romaine, III. P., 1910; VII. P., 1918.
- ³⁸ *Paulette et Paul Burgand*. Villa de la Vergnée, p. 46—60.
- ³⁹ *Ibidem*.
- ⁴⁰ *G. Fouet*. La villa gal-rom. de Montmaurin, p. 291, 308, 191—199; «Gallia», 16, 1958, p. 478.
- ⁴¹ *G. Fouet*. La villa gal-rom, de Montmaurin, p. 31—46.
- ⁴² *R. Maeyer*. De romanische villa's in Belgie. — «Archeologische studie», Antwerpen, 1937, p. 303.
- ⁴³ «Gallia», XV, 1957, p. 119.
- ⁴⁴ «Gallia», XII, 1954, p. 544.
- ⁴⁵ «Gallia», II, 1944, p. 245.
- ⁴⁶ «Gallia», VI, 1948, p. 459.
- ⁴⁷ *A. Grenier*. Habitations gauloises et villas latines dans la cité des Mediomatrices. P. 1906, p. 144—184.
- ⁴⁸ *A. Grenier*. Archéologie gal-rom, p. 844—849.
- ⁴⁹ *H. Dragendorff und E. Krüger*. Das Grabmal vom Igel, p. 74—75.
- ⁵⁰ «Gallia», XVIII, 1960, p. 354—356.
- ⁵¹ *A. Viré*. Le Quercy à l'époque romaine. — RA, 1940, 16, p. 115—158.

- ⁵² Strabo, IV, 3; Plin., HN, XIX, 1; Iuvenal, Sat., VI, VII.
- ⁵³ A. Viré. Le Quercy..., p.137, 144.
- ⁵⁴ Plin., HN, XIX, 8.
- ⁵⁵ Marc., VI, II, 7; Plin., HN, VIII, 48.
- ⁵⁶ A. Grenier. Archéologie gal-rom, p. 616, 629, n. 2.
- ⁵⁷ *Ibid.*, n. 3.
- ⁵⁸ *Ibid.*, p. 620.
- ⁵⁹ CIL, XIII, 10002, 1—3; XV, 2559, 2563; 10002, 4; XV, 2559—2563.
- ⁶⁰ A. Grenier. Archéologie gal-rom, p. 628.
- ⁶¹ J. Iung. Die romanischen Grundschaften, S. 229—235.
- ⁶² *Ibid.*, S. 239.
- ⁶³ Suet., Domit., VII, 2.
- ⁶⁴ E. Esperandieu. Recueil..., IV, 2852; III, 1882, 1824, 1879; IX, 7107...
- ⁶⁵ «Gallia», IV, 1946, p. 315.
- ⁶⁶ M. R. Dion. Grands traits de la géographie viticole de la France. Première partie. Extr. des Publications de la société de géographie de Lillo, 1943; M. R. Dion. La propagation de la vigne dans la Gaule romaine. — «Interfac», IV, 1950, p. 97—99.
- ⁶⁷ «Gallia», 15, 1957, p. 126—128.
- ⁶⁸ *Ididem.*
- ⁶⁹ «Gallia», 4, 1946, p. 345—346; 12, 1954, p. 556—557.
- ⁷⁰ H. Dessau, Geschichte der romischen Kaiserzeit, 11, 2. Berlin, 1924—1930, S. 509—510.
- ⁷¹ E. Esperandieu. Recueil..., I, n. 621.
- ⁷² A. Grenier. Archéologie gal-rom, p. 622.
- ⁷³ *Ibid.*, p. 579.
- ⁷⁴ E. Esperandieu. Recueil..., IV, p. 409, n. 3521.
- ⁷⁵ M. Rostowtzew. Gesellschaft..., I, S. 183.
- ⁷⁶ Deonna. «Schweizerische Anzeigen», 1925, S. 137.
- ⁷⁷ CIL, XIII, 9143—9145; H. Dessau. Geschichte..., S. 504—507; M. Rostowtzew. Gesellschaft..., I, S. 134—136.
- ⁷⁸ M. Rostowtzew. Gesellschaft..., I, S. 183.
- ⁷⁹ *Ibid.*, S. 184.
- ⁸⁰ Ежи Колендо. Из проблематики развития земледелия в римской Галлии. Применение жатки. — «Przegląd Historyczny», t. LI, zeszyt. 2. Warszawa, 1960, с. 252.
- ⁸¹ См: Н. Н. Белова. О свободном крестьянстве в Галлии в I—III вв. — В сб: АДСВ, вып. 12. Свердловск, 1975.: